

УДК 654.191; 801.6 : 7.0.31

ББК 82.3 (2=Ады)

Е 60

Н.Х. Емыкова

Адыгские языки и фольклор в системе радиовещания (1926-1950 гг.)

(Рецензирована)

Аннотация:

С появлением нового технического средства – радио, адыгские языки и фольклор получили возможность бытования в новой для себя сфере, которая оказала огромное влияние на их дальнейшее развитие. В данной статье речь идет о сложном пути вхождения в систему радиовещания как адыгских языков, так и фольклора.

Ключевые слова:

«Газетность» радиожурналистики, идеологические рамки, копирование печатной газеты, традиционный фольклор, советский фольклор, культурно-идеологическая спекуляция.

Для того, чтобы понять и наглядно представить себе, как, в какой форме и каким образом использовался фольклор адыгов в национальном радиовещании, на наш взгляд, необходимо сначала рассмотреть вопросы, связанные с функционированием адыгских языков (адыгейского и кабардинского) в новой для себя сфере радио в период его становления. Правомочность такой постановки вопроса бесспорна, так как мы исходим из того, что фольклор творится на определенном языке. Изменения, происходящие с языком под влиянием новых условий, естественным образом распространяются на все элементы, связанные с ним. В данном случае речь идет о сложном пути вхождения в систему радиовещания, как адыгского языка, так и фольклора.

В связи с тем, что основными средствами радио являются речь и музыка, нам представляется наиболее целесообразным рассмотреть отдельно взаимодействие радио со словесными и музыкально интонированными жанрами адыгского фольклора. Под словесными жанрами мы понимаем предания, легенды, сказания, хабары, сказки, притчи, пословицы и поговорки, хохи (благопожелания) и т.д., а под музыкально интонированными – пшинатли, историко-героические песни (баллады, песни-плачи), обрядовые песни и т.д.

Функционирование адыгских языков в сфере радиовещания началось с вводом в эксплуатацию Краснодарской ширококвещательной радиостанции в сентябре 1926 года (официаль-

ное ее открытие было приурочено к 7 ноября 1926 года) и ширококвещательной радиостанции в городе Нальчике, открытой 1 мая 1927 года.

Обратимся к воспоминаниям участника этих событий М.С. Ахеджакова: «Сначала передачи по радио шли для адыгов, живших в самом Краснодаре, где находился тогда центр Адыгеи. Здесь же были сосредоточены учебные заведения – областная совпартшкола, опорно-показательная школа-интернат, педагогическое училище, профтехучилище. В них были собраны вся адыгейская интеллигенция и учащаяся молодежь. Кроме этого в областных учреждениях и организациях, на фабриках и заводах работало много адыгейцев. Вот для них шли радиопередачи – утром с 7.15 до 7.30 и вечером – с 18.15 до 19.00 четыре дня в неделю кроме субботы, воскресенья и понедельника. Наибольшее время для передач на адыгейском языке отводилось на вечерние часы в четверг и в пятницу.

Обычно программа строилась так: утренние передачи сообщали последние известия по области и стране. Часто передавались лекции и доклады, посвященные насущным проблемам и задачам, стоящим перед народом в деле строительства новой жизни. Вечерние передачи, тоже, начинались с последних известий, но программа передачи строилась более многообразно. Последние известия обычно готовили Ибрагим Цей и Азиз Тлябичев. Во втором разделе выступали специалисты и руководители разных организаций.

Вопросам народного образования, строительству школ, организации ликбезов, всеобщей ликвидации неграмотности и т.д. были посвящены выступления Ш.Хакурате, С.Сиюхова, И.Барона, А.Глябичева, приехавших на летние каникулы из Москвы – А.Хаткова, Д.Ашхамафа, А.Хатанова и многих других. Особенно были впечатляющими некоторые передачи. Например: идет передача – лекция директора областного музея И.Наурзова «О борьбе адыгов за свободу и независимость». После лекции передаются адыгские старинные героические песни: «Песня о Хатхе Кочасе», «Песня о Коджебердуко Магамете» или отрывок из очень популярной тогда пьесы Ибрагима Цея «Кочас». Тот же Наурзов читает лекцию «О революционерах М. и Г. Шовгеновых», а после шла передача трагедии И.Ашканова «Мос Шовгенов» [1].

Краснодарский радицентр, кроме официальных докладов, лекций и выступлений партийных и советских работников на адыгейском языке, начал выпускать радиогазету. В программе передач она называлась сначала адыгейской, а затем колхозной радиогазетой. Радиогазета на адыгейском языке готовилась в редакции областной газеты «Серп и молот» – «Гъупчъ-уат», вышедшей на двух языках.

Адыгейская радиогазета сначала выходила в эфир 2 раза в месяц, как и печатная газета «Серп и молот» – «Гъупчъ-уат». Ответственным за подготовку и выпуск был назначен заместитель редактора газеты, ответственный за адыгейскую ее часть, Ахмед Хатков. Затем Адыгейский обком партии принял решение для организации регулярного выпуска колхозной радиогазеты на адыгейском языке (12 номеров в месяц) создать вне редакции печатной газеты при Краснодарском радицентре редколлегию в составе четырех человек под руководством Айсы Чамокова, а областной газете «Колхоз бракъ» («Колхозное знамя») было поручено осуществлять шефство над радиогазетой [2].

Все это время, где бы она не создавалась – в редакции областной газеты или в радицентре, – основу ее составляли материалы, опыт и метод печатной газеты. Это было закономерным явлением не только для адыгейского радиовещания, но и для всего советского радиовещания. Практически везде «газетность» радиожурналистики, функциональная близость

печатной газеты и радиовещания, можно сказать, копирование газеты радиогазетой, – основная особенность вещательных программ середины двадцатых – начала тридцатых годов» [3].

Для полноты картины функционирования адыгских языков, на наш взгляд, необходимо несколько слов сказать о первых шагах кабардинского радиовещания. Как мы уже отмечали 1 мая 1927 года в Нальчике торжественно открылась широковещательная радиостанция имени Карашаева и впервые прозвучали слова на кабардинском языке: «Фыкъэда!уэ! Псалъэр Нальшикщ!» – («Слушайте все! Говорит Нальчик!»).

Радиопередачи на кабардинском языке выходили в эфир ежедневно в вечернее время с 18.30 до 20.00 и по тематике мало чем отличались от передач на адыгейском языке. Как свидетельствуют программы передач тех лет по радио передавались доклады обкома ВКП(б) облсовпрофа, беседы о кооперации, о сельском хозяйстве, народном образовании, радиогазета «Карахалк» (по материалам одноименной печатной газеты «Карахалк» – «Беднота», вышедшей на кабардинском и русском языках), и концерты-трансляции симфонической и национальной музыки.

Особое внимание, судя по газетам тех лет и по сохранившимся программам передач на кабардинском языке, уделялось борьбе с религиозными пережитками и атеистической пропаганде. Освещая материалы VI съезда советов, газета «Карахалк» в 1927 году писала, что «у каждой мечети и церкви должно быть установлено радио» [4]. И уже в первый месяц работы радиостанции в эфир передается беседа о затмении солнца на кабардинском языке [5], антирелигиозной теме посвящаются многие беседы Санпросвета и Отдела работниц Совпрофа.

Зарождение адыгейского и кабардинского радиовещания в конце 20-х годов, функционирование адыгских языков в новой сфере радио расширило их общественные функции и оказало большое влияние на их развитие. Так радио, выполняя функции распространения социальной информации, приобщая неграмотное население к политической и культурной жизни области и страны, осваивало, доносило и вводило в обиход своих слушателей новый для адыгских языков пласт общественно-политических

терминов, заимствованных из русского языка или через него из других языков. Кроме этого рост радиолобительства, развитие радификации принесли в адыгейский и кабардинский языки и слова, обозначающие понятия науки и техники, связанные с радио, как, например, «радиоприемник, антенна, радиостанция» и др.

Первые годы адыгейского и кабардинского радиовещания, как известно, совпали с этапом становления норм и стилей адыгейского письменного литературного языка. Радио, как самое доступное для малограмотного и неграмотного населения средство массовой информации, принимало в этом процессе активное участие. Так, на первых порах, являясь просто «передатчиком», репродуктором газетных материалов, официальных сообщений, докладов, литературных произведений, радио способствовало распространению и утверждению норм письменного литературного языка.

Проблемы нормирования непосредственно коснулись и языка радиопередач. Они готовились в соответствии с требованиями нового для адыгейского языка газетно-публицистического стиля, характерными признаками которого были «книжность, некоторая искусственность» [6] и наличие большого количества заимствований. Писатели и журналисты стремились как можно скорее оформить письменный литературный язык, утвердить его нормы, очищая от диалектных примесей. К примеру, в 1934 году писатель Дмитрий Костанов в газете «Колхоз брак» писал, что «недопустимо, чтобы по радио выступал каждый, кому захочется и говорил так, как вздумается» [7]. И радио было призвано, наряду с печатью, создавать и утверждать нормы газетно-публицистического стиля (а по другой терминологии книжно-публицистического стиля). В этих условиях об использовании на радио богатых традиций устного слова адыгов не могло быть и речи. Язык радиопередач все больше отдалялся от устно-разговорной речи, становился более сухим, книжным, с большим количеством газетных штампов и искусственных выражений.

Таким образом, с возникновением радиовещания на адыгейском и кабардинском языках, новое техническое средство – радио, многократно увеличив силу звучания адыгейского языка, вывело на совершенно новый уровень существования и деятельности и представило

ему невиданные до сих пор возможности для дальнейшего развития. Но, прежде всего, необходимо сразу отметить, что функционирование языка в новой сфере происходило в жестких идеологических рамках конца 20-х и начала 30-х годов XX столетия, когда радио воспринималось и использовалось партийными органами как мощное средство пропаганды и агитации в борьбе с классовым врагом в деле строительства социализма. Возможность говорить по радио идеологи называли «митингом миллионов» или газетой «без бумаги» и «без расстояния», которую могли «читать» неисчислимые тысячи людей» [8].

В таких условиях вполне естественно, что радиовещание на адыгейском и кабардинском языках в подготовке радиопередач опиралось не на богатейшие традиции устного фольклора адыгов, а на небольшой опыт национальной партийной печати – газет: «Адыгэ псэук1» и «Карахалк», и на произведения молодой литературы.

Предоставленные революцией возможности для развития национальной культуры открыли широкую перспективу для молодой адыгской интеллигенции. Пытаясь в исторически короткие сроки преодолеть вековую отсталость своего народа, они с энтузиазмом брались за все – за создание первых национальных газет, литературных альманахов, за написание стихов, рассказов, романов, за постановку спектаклей, за организацию научно-исследовательских институтов, они же были и у истоков радиовещания на адыгских языках. Отдавая должное их таланту, огромным просветительским стараниям, необходимо остановиться более подробно на некоторых из их воззрений, а порой и заблуждений, характерных для того времени, имевших негативные последствия для сохранения и развития фольклора адыгов. Речь идет о распространенном в те годы среди «пролеткультовских» писателей вульгарно-социологическом, нигилистическом подходе к наследию прошлого как классического, так и фольклорного.

Наиболее ярко эти мысли выражены в статье Джансоха Налоева с красноречивым названием «От мертвого к живому», опубликованной в 1933 году в сборнике «Кабардино-Балкария». О молодой кабардинской литературе он пишет, что создают ее «сызнова своими собст-

венными силами, вовсе не опираясь на прошлое», потому что «устное народное творчество не оставило такого наследства, которое можно было обработать, развить, культивировать в том направлении, которое должно иметь по форме своей и содержанию художественная литература». Автор далее настоятельно требовал от писателей «отказа от дырявой поэтической рубахи Сосуко» и предлагал «выковать свою форму, свой стиль, свой мотив, свою тему, приемы среди рева машин и звонкого дыха» [9].

Однако не более чем через два года сам Дж. Налоев понял эти ошибки. Благотворную роль в его эволюции сыграли Первый Съезд советских писателей в 1934 году и доклад М. Горького на этом съезде. В статье «Литература Кабардино-Балкарии» он писал, что «фольклорный материал не заслуживал особого внимания до сих пор, и лишь недавно, после указания Алексея Максимовича Горького, часть писателей сумела включиться в его изучение. Надо сказать, что первый опыт собирания и изучения фольклора удался блестяще. Результаты таковы, что на эпическом материале созданы первая кабардинская драма «Корыгот» и ряд рассказов (...). Надо пожелать большого успеха в собирании и изучении фольклорного материала, не только потому, что это нужно писателям Кабардино-Балкарии, но и потому, что эпос является богатым вкладом в сокровищницу нашей советской литературы» [10].

Как мы видим, ошибки были исправлены по указанию сверху. Адыгские писатели активно принялись за собирание, изучение фольклора, но еще долгое время литературная критика ставила в заслугу, например, адыгейской прозе то, что она «в отношении художественных форм значительно раньше и быстрее освободилась от некоторых традиций и художественно-образительных средств фольклора, которые не соответствовали задачам отображения быстро развивающейся социалистической действительности» [11].

Интерес писателей к фольклору, направляемый сверху не должен был ограничиваться его сбором, изучением, обработкой и публикацией. Опираясь на фольклорное наследие в своем творчестве, они со своей стороны должны были повлиять на устное народное творче-

ство, содействовать появлению «нового», советского фольклора.

Так, обосновывая причины и механизмы появления некоторых «прогрессивных» новаторских жанров советского фольклора Л.И. Емельянов пишет: «...была задумана и без промедления начала осуществляться беспрецедентная по своему размаху и цинизму операция, цель которой заключалась в абсолютно исчерпывающей подмене подлинно народного отношения к действительности, выражающаяся в настоящем фольклоре, сконструированном в соответствии с официальными рекомендациями и подлежащим отражению в «новых» народнопоэтических формах.

Чтобы создать впечатление, будто это новое «народное творчество» есть законный преемник и прямой продолжатель классического фольклора, инициаторы и организаторы этой культурно-идеологической спекуляции для начала попытались придать новому творчеству черты максимального сходства с фольклором старым, классическим. Была сделана попытка возродить древнейшие фольклорные жанры на новой сугубо современной тематической основе. Как это делалось? Очень просто. К известным сказителям, знатокам и хранителям старого фольклора, прикреплялись на правах своего рода литературных кураторов ученые-фольклористы или писатели, которые должны были оказывать своим подопечным так называемую «творческую помощь» (...) Сказители, конечно же, понимали, чего от них ждут. И, надо отдать им должное, старались, в меру своих возможностей, эти ожидания оправдать. Они переложили в былины биографии Ленина и Сталина, они воздали славу каждому из героев революции и гражданской войны (...) Послушная, управляемая, по сути своей «придворная» поэзия, обладающая презумпцией народности – в такой поэзии сталинская эпоха нуждалась более чем в какой-нибудь другой. Именно она должна была стать тем прямым путем, которым новейшие цезари пытались войти в народную молву, в предание, в эпос» [12].

Мы позволили себе привести столь длинную цитату, из статьи Л.И. Емельянова в связи с тем, что она как нельзя лучше воссоздает картину формирования такого же советского фольклора и у адыгов. Так, в Адыгее по решению облисполкома Дмитрий Костанов работал

с народным певцом Цугом Теучежем, которого одновременно консультировали писатель Т. Керашев и поэт А. Хатков. В Кабарде поэт А. Шогенцуков тесно сотрудничал с народным песнотворцем К. Сижажевым и др.

Произведения так называемой народной поэзии публиковались в газетах, журналах, в поэтических сборниках, но самым коротким путем к слушателям было радио. В 30-е годы во всех национальных регионах проходила акция «Ашуги у микрофона», в рамках которой по радио выступали народные певцы со своими произведениями о Ленине, о Сталине, о новой жизни. «Пользуясь их повседневной поддержкой», – пишет М.М. Бжеников, – радио в данном случае выполняло двойную роль (развлекательную и пропагандистскую). Объяснение последней надо искать в такой народной традиции горцев, как уважение к старшему, к его слову. Своеобразный радиопризыв из уст мудреца имело громадное воспитательное, пропагандистское значение» [13]. Не случайно журнал «Говорит СССР» отмечал, что фольклор народностей Северного Кавказа дает богатый материал для национального художественного вещания» [14].

Прежде всего имелся в виду не традиционный фольклор, а современный, так называемый «советский» фольклор. Радио, увеличивая аудиторию ашуггов, сказителей, многократно повторяя их выступления у микрофона, призвано было «утвердить в обществе ту мысль, что никакой другой народной поэзии, никакого другого фольклора, кроме нее, нет и быть не может» [15].

У нас немного прямых свидетельств того, какие именно произведения из современного советского фольклора передавались по радио, так как не сохранились тексты радиопередач Краснодарской и Нальчикской радиостанций, вещавших на адыгских языках. Но зная о том, что, по радио читались материалы адыгских печатных газет, мы можем предположить, что стихи, сочиненные народными сказителями и опубликованные в них, наверняка читались у микрофона. Таких произведений устного народного творчества в те годы было напечатано немного и все они потом были собраны в сборнике «Адыгейский советский фольклор» (на адыг. яз.) Среди них стихи Хамида Гиша «Октябрэ мэфэк1» («Праздник Октября»), Цуга Те-

учежа «Аслъан купэу тик1алэхэр» («Наши славные парни»), Сагида Чермита «Воен комиссар» («Военный комиссар») и др.

Большинство напечатанных в газетах произведений устно-поэтического творчества народных сказителей были подражаниями «краснокалендарным» стихам адыгейских поэтов Ахмеда Хаткова, Ибрагима Цея, Хаджимета Водождокова и др. Они воспевали революцию, Красную Армию, колхозы, стахановцев и т.п.

Немало произведений народные поэты создавали, используя традиционные фольклорные формы. Например, «Шхьонт1эшхом итхьаусых» (Жалобы синего великана), сочиненное группой авторов: Джаримок И., Хут М., Мешвез И. и «Шьыпкъэ едзыгьохэр» (Правдивые строфы) Н. Уджуху.

По своему названию «Шьыпкъэ едзыгьохэр» перекликаются с известным каждому адыгу сводом мудрых мыслей и философских афоризмов под общим названием «Шьыпкъышхэ» (Сто истин) или «Псальэ пэжхэр» (Правдивые слова). Используя эту формулу авторы рассказывают об истинно бедственном положении адыгских крестьян до Октябрьской революции и об их счастливой жизни при Советской власти.

*Дунаем бэу техьухэ,
Къэхьугьэ псэук1эш1оу
Зыфэдэ бэу цымы1эр
Непэрэ псэук1эу кьызгурэ1о
Хэты гуры1оньыри: ац фэдэ псэук1э
Тэц нэмык1 зымы и1эт.
Ари едзыгьо шьыпкъ [16].*

*На свете многое случается,
Наступила счастливая жизнь,
Каких мало бывает,
Так я понимаю нашу жизнь сегодня.
Кто меня может понять,
Если такой жизни кроме нас
Нет ни у кого.
Это правдивые строфы.*

Приведенный пример – яркая иллюстрация к высказываниям Л.И. Емельянова о «советском фольклоре»: «Слов нет, художественная сторона продуктов сказительского новотворчества вряд ли кого-нибудь могла ввести в заблуждение (...). Однако сторона эта, собственно,

мало кого интересовала. Ибо дело было не столько в ней, сколько в принципиальной возможности выражать от имени народа определенные идеи, возводить их в ранг общенародных, общепризнанных и безусловных. Эту возможность и должно было обеспечить сказительное новотворчество» [17].

Говоря об использовании в советском фольклоре традиционных словесных жанров, нам хочется более подробно остановиться на древних устно-поэтических хохах (здравицах), т.к. именно они получили наибольшее развитие в те годы. Многие сказители, джегуакопеснетворцы, импровизируя на темы традиционных текстов, посвящали свои хохи (здравицы) Ленину, Сталину, партии, колхозу и т.п. и произносили их везде: на митингах, сходах, в выступлениях по радио, и т.д. Вот один из таких примеров «Колхоз хьохъу» (Здравица колхозу), записанный писателем Юсуфом Глюстеном в ауле Кошехабль со слов Исмеля Апишева в 1949 году.

*Насытым ыльапсэу,
ЩылакIэм игьотыпIэу,
Тиколхозэу тилгапIэр
ЖьонакIо зыдэкIырэм,
Цобзапэ огьоу,
ЖьоныгьокIэ оцхэу,
Чэц оцхыр ебекIэу,
Лэжсыгьэу анхьрэр
Джэнэ гьуапэм фэдэу ушгьуашгьоу,
Ашгьо гьуапэм фэдэу рицхэу,
А зы напIэм тIу исэу,
Щы зэрысыр кьебэкIэу,
ЗаIожькIэ хьэмэ гьунэмкIэ рагьэзэу,
Хьэмэ гьунэмкIэ ратхьокIэу,
АфэмытхьокIыжэу,
Афэмыухыжэу,
Кьэралым иIахы
Фэдибл кьехьоу IэкIахэу,
КьехьоекIырэр тикон имыфэжэу,
Тилэжсыгьэ тырицытхьухэу,
Тицытхьу Кремлэм дэбыбэу,
Сталиным лынэсэу,
Ац льягьоу тфыхихрэм тырыкIоу,
Тызыльэгьу мыхьурэ пьим тышIокIэу,
Тинасын атекIоу,
Тихьяри анэхьыбэу,
Тхьагьо тэгьот! [18]*

*Счастья основа,
Жизни источник,
Наши колхоз дорогой,
(Когда) выйдет на пахоту,
Пусть конец лемеха был сухим,
Конец пахоты был дождливым,
Чтобы ночных дождей было больше,
Чтобы посеянное зерно (взошло),
Как рукава рубахи кольхаясь,
Как рукава кольчуги опускаясь,
Чтобы в одном гнезде было по два зерна,
А тех, что по три было еще больше,
Когда пожнут урожай,
Чтобы на току лежало,
Аккуратно собранное,
Чтобы было так много,
Что не успевали грести,
Чтобы доля государства,
Преумножалось семикратно
Попало в закрома,
А то, что нам останется,
Чтобы не помещалось в наших хранилищах.
Чтобы мы снискали славу нашим трудом,
Чтобы слава наша до Кремля долетела
До Сталина дошла,
Чтобы мы шли путем им начертанным,
Чтоб мы победили врагов ненавистных,
Чтобы наша удача их превзошла,
Чтобы радость наша большой,
Да будет нам такое счастье!*

Этот текст опубликован в сборнике «Адыгэ советскэ IорыIуатэхэр» в 1968 году, но без упоминания имени Сталина.

Приведенный ниже текст хоха мог служить образцом того, как надо было их произносить в современных условиях. Дело в том, что в советское время, в самый разгул воинствующего атеизма, хотя и можно было использовать форму древних хохов (здравиц) для возвеличивания вождей и социалистической действительности, но категорически запрещалось упоминание имени бога (тха). Поэтому в официальных хохах убирались традиционные обращения к Тха или Аллаху, с которых они начинались («О, ти Тхэу, Тхьэшхо... – О наш Тха, Великий Тха ...» или «О цIыфыбэр зэлгэIоу, зыми емьльэIужьырэ Алахь...» – «О, Аллах, кого все люди просят и ни у кого ничего не просящий...»), а также обращения в конце, типа

«Тхьам еш1» (Пусть Тха сделает), «Алахьэм е1у» (Пусть Аллах так скажет) и другие. Более того, в публичных выступлениях по радио не допускались устойчивые словосочетания, выражающие благодарность и признательность и благопожелания с использованием имени бога. Так, вместо привычного, традиционного «Тхьауегъэпсэу» (Дай Тха тебе здоровья) надо было говорить «Опсэу» (Будь здоров) и т.д. (Этот запрет на умолчание имени бога в радиоречи сохранялся вплоть до конца 80-х гг.)

Но несмотря на жестокую цензуру хохи стали наиболее востребованным на радио словесным жанром адыгского фольклора. На их основе создавались совершенно новые произведения. Как пишет Ш.Х. Хут, современные хохи имели фольклорную форму, но по своей тематике и идейному содержанию сильно отличались от традиционных [19].

К примеру, к таким хохам-благопожеланиям можно отнести устное стихотворение Нешукая Уджуху из Габукая «Лениным ипартие»:

*Мазэм фэдэу къэнэффи,
Тыгъэм фэдэу къыкъок1и,
Хэбзак1э къыдигъэк1и,
Тик1алэхэр ригъаджи,
Еджэныгъэм фигыаси,
Насытыххо къязытыгъэр
Ленин ипартиешъ –
Псауныгъэ пытэ и1энэу,
Иморадхэр къыдэхъоу,
Шъхъэк1эфэиххо къыфаи1эу,
Егъаи1и ти1э ти1оугъу! [20]*

*Как месяц засиял,
Как солнце взошло,
Новая власть,
Наших детей выучила
К знаниям направила,
Великое счастье всем принесла
Партия Ленина –
Пусть она будет всегда жива,
Пусть сбываются все ее планы,
Пусть все ее уважают и славят
Мы хотим, чтоб она была вечно!*

Подобный процесс «обновления» языка мало коснулся песенных текстов. В пору становления радиовещания, впрочем, как и всей

современной культуры, редактировались фольклорные тексты, которые публиковались в газетах, журналах, книгах. Тексты песен, исполненные в прямом эфире, «подгонять» под нормы литературного не представлялось возможным, в первую очередь потому, что язык фольклора сам по себе является наддиалектным. Во вторых, со сказителями возможно было «договориться» лишь о выборе репертуара, иногда – об объеме текста, но никак не об изменении или «улучшении» содержания и художественной формы исполняемой песни.

Таким образом, период становления процесса вхождения в систему радиовещания адыгского языка, а вместе с ним и фольклора, протекал далеко не однозначно. С одной стороны, язык радио формировался в соответствии с требованиями нового времени как язык письменной литературы, подменяя устный разговорный стиль книжно-публицистическим. В то же время народные песни, которые пусть не часто, но звучали в живом эфире, не просто украшали программы радиопередач, в противовес ожиданиям организаторов новой культуры, предназначавших их только для слушания, песенный фольклор утверждал свои права на новом пространстве. Органично вплетаясь в язык радио, он закладывал основу для более высокого уровня освоения фольклора.

Примечания:

1. Архив ЦА/АГУ. П. 4, д. 1.
2. ГАРА.Ф.1. П.Оп. 2Д. Л.124.
3. Ружников В.Н. Так начиналось. – М., 1987. – с. 109.
4. Карахалк. – 1927. – 18 марта.
5. ЦГА КБР. Ф.2.Оп.1.Д.377. Л. 58.
6. Тхаркахо Ю.А. Становление стилей и норм адыгейского литературного языка. – М., 1982. – с. 52.
7. Колхоз бракъ. – 1934. – 24 февраля.
8. Ленин о радио. – М., 1978. – с. 139.
9. Кабардино-Балкария. – Нальчик, 1933. – с. 34-35.
10. Цит. по кн.: Налоев З.М. Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик, 1985. – с. 165.
11. Костанов Д.Т. Рождение адыгейской советской литературы. – Майкоп, 19... – с. 55
12. Емельянов Л.И. Термин «Советский фольклор» в 1930 годы // Из истории русской фольклористики. – СПб, 1998. – Вып. 4-5. – С. 220-222.
13. Бжеников М.М. Указ. соч., с. 33
14. Говорит СССР. – 1935. – № 11-12. – с. 50
15. Емельянов Л.И. Указ. соч., с. 223.

16. Адыгэ советскэ 1оры1уатэхэр., н. 34.
17. Емельянов Л.И. Указ. соч., с. 221.
18. Архив АРИГИ. Ф.1 П.43. Д.179.
19. Хъут Щамсудин. Шы1эк1ак1эм фэгъэхьыгъэ адыгэ 1оры1уатэхэр // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. – Майкоп, 1981. – с.31.
20. Адыгэ советскэ 1оры1уатэхэр. – Мыекъуапэ, 1968. – с. 23.